

Всероссийское СМИ

«Академия педагогических идей «НОВАЦИЯ»

Свидетельство о регистрации Эл №ФС 77-62011 от 05.06.2015 г.

(выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций)

Сайт: akademnova.ru

e-mail: akademnova@mail.ru

Шайдуллин Р.Р. Университет как актор социально-экономического развития в Европе и Америке периода Индустриальной революции: Обзор экзогенных факторов через призму неoinституционализма // Материалы по итогам V-ой Всероссийской научно-практической конференции «Перспективы развития науки и общества». – г. Анапа. - 20 – 31 января 2023 г. – 0,2 п. л. – URL: http://akademnova.ru/publications_on_the_results_of_the_conferences

СЕКЦИЯ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

**Шайдуллин Раис Равилевич,
аспирант 1-го года обучения,
Экономический факультет,
УВО «Университет управления «ТИСБИ»
г. Казань, Республика Татарстан**

УНИВЕРСИТЕТ КАК АКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ЕВРОПЕ И АМЕРИКЕ ПЕРИОДА ИНДУСТРИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ОБЗОР ЭКЗОГЕННЫХ ФАКТОРОВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НЕОИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Неоинституциональный фреймфорк

Университеты, как социальные институты, имеющие значение близкое к современному, возникли в Средневековой Европе и получили значительное развитие в период Индустриальной революции в Западной Европе и Северной Америке. С одной стороны, они стали центрами развития дискуссии о философии и познании мира, религии; позже также центрами развития новых идей, гипотез, теорий и изобретений, что способствовало социальному и экономическому росту стран глобального Запада. Однако, будучи актерами, встроенными в существующий социально-экономический порядок, многие университеты не могли не учитывать роль экзогенных социетальных и секторальных факторов, которые формировали среду, позволившую университетам реализовать свой позитивный импакт на социально-

экономическое развитие стран и территорий. Эта двойственность вынудила смотреть на роль университетов в социально-экономическом развитии через определённые рамки, которые удачно представлены в работе Кастельса (Castells, 2001). Учёный разработал известную *модель отношений университета и “внешнего мира”*. Согласно данной модели, университет существует для оправдания и укрепления легитимности власти стейкхолдеров, социализации и отбора элиты, в то время как педагогическая, изобретательская, исследовательская деятельности в рамках образования также очень важны, однако они должны носить непротиворечивый характер относительно легитимности власти. Следовательно, рассматривая случай образовательных учреждений периода Индустриальной революции до процессов демократизации в мире и университете, этот подход может быть особенно полезным, поскольку, как показано далее, он отражает обе стороны университетов, существовавших в изучаемый промежуток времени.

Наличие рамок модели Кастельса указывают на то, что необходимо понять, какие факторы в период Индустриальной революции приводили к тому, что легитимность власти определялась через деятельность университета, способствующая социально-экономическому развитию. Иными словами, при каких условиях для легитимности власти требовался университет, способный к образовательной, изобретательской и исследовательской деятельности, который мог бы вести к тому, что города, территории и страны, в которых он находился, получали социально-экономический рост? При рассмотрении данных факторов, логичным представляется рамка *исторического институционализма (historical institutionalism)*. Мною предлагается понимание институционализма в рамках неинституциональной теории *Аджемоглу и Робинсона* (Acemoglu & Robinson, 2012), так как авторы

прибегали к историческому институционализму и институционализму рационального выбора для построения объяснительной модели социально-экономического роста. В то время, как, выражаясь словами Сартори, Аджемоглу и Робинсон были на высоком уровне абстракции, рассматривая отдельный институт, мы спустимся ниже для объяснения ситуации на уровне отдельного института — университета. Таким образом, анализ темы происходил в рамках модели отношений университета и “внешнего мира” Кастельса и неоинституциональной парадигмы (исторический институционализм) Аджемоглу и Робинсона.

Университет в период до Индустриальной революции

Университеты возникли в период IX—X веков в Северной Африке, а позже — в Западной Европе. Однако университеты были подконтрольны духовенству (мусульманскому и христианскому), которое было заинтересовано в сохранении *status quo*, так как её легитимность была основана на Божественном законе, а не социально-экономических благах. Тем не менее, появление межуниверситетской коммуникации, дискуссия религиозных и философских идей, создание изобретений, проведение исследований, основанной на определённых методологиях создавал позитивные предпосылки для изменений (García, 2013). Три экзогенных социетальных и секторальных изменения, которые произошли в эпоху Возрождения в Европе (и не произошли в Арабском мире), позволили данным позитивным предпосылкам развиваться на континенте: (1) географические открытия и колонизация новых территорий; (2) изобретение печатного станка; и (3) эпидемия чумы.

Говоря о первой причине, в Европе происходила аккумуляция значительных ресурсов, полученных в результате колонизации. Если ранее католическая церковь обладала значительными ресурсами в т.ч. в результате деятельности, связанных с крестовыми походами, теперь “кесарь” мог также получать ресурсы и конкурировать с церковью за получение лояльных последователей. Как следствие, в период XV-XVIII вв. церковь теряет многие рычаги воздействия на университеты, а недавно укрепляющиеся королевские дворы, аккумулируя новые ресурсы и раздавая их лояльным, начинают конкурировать за университеты, что ослабляет контроль за ними и позволяет получить новую элиту — бюрократию, легитимность которой основывается на социально-экономической эффективности (Tilly, 1990). Это происходит в рамках становления национальных государств, короли в которых также становятся заинтересованными в деятельности университетов, ведущей к росту знаний и технологий, связанных с объединением государств и распределением ресурсов между лояльными группами (Spruyt, 2017), из-за чего происходит рост значимости университета как актора социально-экономического развития.

Говоря о второй причине, Tilly (1990) выделяет роль печатного станка. Станок Гутенберга способствовал росту грамотности и знания, скорому распространению идей и возможности обмена мнениями и знаниями, что сыграло одну из ключевых ролей в развитии университетской деятельности, способствующей социально-экономическому развитию (e.g., Madsen & Murtin, 2017).

Наконец, как отмечал Epstein (2009), рост позитивной роли университетов в социально-экономическом развитии на европейском континенте обусловлено эпидемией чумы. Чума способствовала тому, чтобы

старые модели преподавания и обучения от наставника ученику изменялись. Происходил процесс ускорения программ подготовки в университетах, более широкого распространения текстов, работы с ними из-за сохраняющегося страха вымирания. Это приводило к развитию инклюзии, ускорению получения знания среди новой меритократической элиты (бюрократии), изобретателей, торговцев, что также позволяло развивать университетскую деятельность, способствующую социально-экономическому развитию: коммуникацию, образование, дискуссию идей, изобретения и исследования

Университет в период Индустриальной революции

Рост университетов как центров просвещения и образования рос с переходом от Ренессанса и Коммерческой революции к новому времени, которое характеризуется появлением полноценного национального государства и Индустриальной революцией (Tilly, 1990). Однако, уже окрепнув, национальные государства установили чёткие «правила игры» для университетов, институционализируя процесс развития новых идей и технических совершенствований, с одной стороны, но ограничивая его, с другой стороны, *de facto* и *de jure* национализируя их, а также создавая новые от имени кесаря и государства (Scott, 2006). Таким образом, процесс построения национального государства имел негативные спilloверы на развитие университетских свобод, открытый обмен идеями и создание изобретений, что вело к проблемам в развитии деятельности университетов, способствующей социально-экономическому развитию. Королевская власть и новая аристократия, которые были уже заинтересованы не в прогрессе, а консервации выгодного для неё *status quo* окрепших национальных государств, ослабляли роль университета в социально-экономическом развитии. Кроме того, распространение печатного станка позволяло более

широко распространять знание и проводить дискуссии без посредничества университета, что также ослабило роль последнего в социально-экономическом развитии, что, однако, позволило сохранять высокий уровень инновационной деятельности в этот период. Тем не менее, из-за появления нового консервативного порядка (*ancient régime*), институциональные возможности для признания и реализации этих идей и изобретений были узкими.

Действительно, возвращаясь к модели Кастельса, можно сказать, что из-за ослабления экзогенных и эндогенных условий, у университета, как центра социально-экономического процветания и прогресса, возможности для свободного распространения и пенетрации идей и инноваций, эливирирования социального статуса были ослаблены. Однако, уместным представляется описание деятельности любого социально-экономического института для понимания того, что делал университет далее. Как замечали Taylor & Bogdan (1980), любой институт, как рациональный актер, однажды появившись и достигнув значительного признания, борется за своё выживание и сохранение *status quo*, как минимум, и расширения влияния, при более предпочтительных условиях. Именно такое поведение было свойственно университетам. В течение эпохи Ренессанса и Коммерческой революции и постепенного перехода к новой системе национальных государств с индустриальной экономикой (XIX в.), для сохранения и расширения своего уровня влияния и свободы, профессора и студенты прилагают усилия: будучи относительно единой, образованной гильдией со значительными знаниями, информационными, человеческими ресурсами, зарождающейся идеологией рационализма и сциентизма, а также влиянием на элиты национального государства, университеты обосновывают свою необходимость,

легитимизируют себя через представление себя в качестве института передачи знаний, создания прогресса и научного труда, ведущего к общественно-экономическому процветанию. Подобная легитимизация придаёт университету вес в секуляризирующемся обществе, где ценности прогресса и знания растут, а легитимность государства всё больше основывается на социально-экономическом росте, обеспечиваемом данными знаниями, исследованиями и изобретениями. Однако для того, чтобы показать свой имидж «в силе» требуются экзогенные факторы.

Подобными экзогенными факторами в Европейских государствах стали революции: Английская, Славная, Нидерландская и Французская революции. Они, помимо политических, привели к значительным экономическим изменениям в Англии, Нидерландах, Франции и Европе. Как известно из вышеуказанной работы Аджемоглу и Робинсона, данные страны, в особенности Англия и Нидерланды, позже – Франция начали использовать модель экономического и политического распределения ресурсов и рационального использования (из-за присутствовавшей протестантской этике), что сделало характер лидирующих институтов в этих странах инклюзивными, в то время как в католических Испании и Португалии, меньше – в Италии институты сохраняли экстрактивный характер – *status quo*, когда накопленные богатства сохранялись в руках кесаря и аристократий (новой и старой). Эти богатства в странах с преобладающими экстрактивными институтами использовались для ещё большей аккумуляции ресурсов и власти, в то время как инвестиции в институты знания и инноваций, включая университеты *inter alia*, а значит и институционализированную идейную и технологическую инновацию, становление науки, широкую коммуникацию ослаблялись. Кроме того, аккумуляция ресурсов в руках кесаря и

аристократии вела к ослаблению свободы в обществе, что также негативно влияло на университеты, как центры социально-экономического развития. Наоборот, в Англии, Нидерландах, а позже уже в других странах (Соединённые Штаты, Франция, позже – Италия, Германия и др.) происходил постепенный процесс рациональной децентрализации власти и ресурсов между влиятельными акторами, инклюзии различных социально-экономических и политических акторов, что для университетов означало рост влияния, возвращение автономии. В результате данных действий возможности для свободного обмена знаний, продвижения новых идей и технологий, формирования современной науки, а также открытой коммуникации возросли значительно, что привело к тому, что возрос уровень социально-экономического благосостояния в протестантском мире, а позже в других странах Европы и мира.

Кроме того, становление в результате колонизации и инновационной деятельности глобализирующейся экономики привело к появлению новых стейкхолдеров (в странах с инклюзивными институтами), роль сохранения и влияния которых значительно зависела от инновации, науки и коммуникации – индустрии. Действительно, как отмечал Адам Смит, образование являлось необходимой составляющей развития индустрии. Однако, как отмечает Carl (2009), с одной стороны, для индустриальных обществ Великобритании, Нидерландов и позже Соединённых Штатов важную роль играла средняя школа из-за необходимости наличия у работника базовых знаний необходимых для выполнения большого количества механических задач. Тем не менее, с другой стороны, не только экстенсивное, но и интенсивное развитие индустрий, необходимость в сокращении расходов при сохранении прибыли обусловили взаимную нужду индустрии и университетов.

Tilling (2002) показывает, как университеты в Великобритании смогли приспособиться к новой роли, и в рамках модели Кастельса им удалось не только укрепить свою легитимность, но и легитимность стейкхолдеров через становление в качестве важных звеньев социально-экономического роста в этот период. Madsen & Murtin (2017) подтверждают это, устанавливая, что с периода Ренессанса и Коммерческой революции в Англии университет являлся ключевым институтом социально-экономического благополучия. Проводя анализ со средних веков до современности, авторы показывают, что с XIII по XXI век знание играло основную роль в социально-экономическом развитии, однако именно роль университета, как самостоятельного института знания, позволило ему стать важным базисом и проводником Английской индустриальной революции. Авторы установили, что через интенсификацию образования, исследований, распространение новых идей и технологий, коммуникацию университеты влияли на конкретные экономические показатели: доходы, ВВП/ВВП на душу населения. Авторы замечают, что большое количество изобретателей новых идей и технологий были выпускниками университетов или были слушателями. Кроме того, наличие такого института, как университет, позволяло интересующимся новыми идеями и технологиями более успешно претворять их в жизнь, а социальный статус института позволял находить спонсоров, покрывать траты на изобретения или брать займы. Кроме того, авторы замечают, что качество *governance* из-за роста числа образованной элиты в Парламенте возросло, что является полезной политической экстерналией, а сами университеты укрепили культуру инноваций в обществе, стали центрами разработки и тестирования новых идей и технологий для индустрии. Кроме того, видя эти позитивные эффекты, обращаясь к опыту Соединённых Штатов, можно найти примеры,

как крупные индустрии стремились открывать университеты для роста исследовательской деятельности (н-р, Vanderbilt University).

В другой работе Federici et al. (2022) иллюстрируют ситуацию по Италии. Авторы показывают, что в Италии из-за появления университетов изначально ряд регионов Северной Италии стали более благосостоятельными, чем южные провинции, однако отсутствие инклюзивности институциональной среды по отношению к университету привело Южную Италию к безграмотности, росту клиентелизма, коррупции, низкой эффективности управления, что привело, в итоге, к низкому уровню инноваций и низким показателям ВВП/ВВП на душу населения. Северная Италия, хотя также имела данные недостатки, из-за более поздней, но всё же проведенной инклюзивизации институтов знания *inter alia* смогла улучшить социально-экономическую ситуацию.

Таким образом, можно сделать вывод, университеты находились всё меньше в зависимом положении от стейкхолдеров, связанных с церковью, однако стали больше зависимы от государства и корпораций, а также инновация, коммуникация и развитие науки происходила благодаря и нередко в интересах обоих данных акторов. При этом, из-за роста разнообразия акторов и обоснования их легитимности через социально-экономический рост, в рамках модели Кастельса вновь возникли возможности для значимого позитивного социально-экономического импакта университета на общество: корпорации росли и поощряли создание новых идей и технологий, становление наук, межкультурную коммуникацию, в то время как экзогенные факторы изменения общественных аттитюдов и норм привели к возникновению основ демократии в Великобритании, Соединённых Штатах и Северной Европе, которые укрепили позиции университетов, в то время как

университеты укрепили данные ценности. Это всё значительно способствовало росту значимости университетов в социально-экономическом благосостоянии Европы и Америки в XIX-XX вв.

Список использованной литературы:

1. Acemoglu D. & Robinson J. Why Nations Fail? The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. – London: Profile Books, 2012. – 320 p.
2. Carl J. Industrialization and Public Education: Social Cohesion and Social Stratification // In International Handbook of Comparative Education. – Dordrecht: Springer, 2009. – P. 503-518.
3. Castells M. Universities as Dynamic Systems of Contradictory Functions // In J. Muller et. al. [eds]. Challenges of Globalisation. South African Debates with Manuel Castells. – Cape Town: Maskew Miller Longman, 2001. – P. 206-223.
4. Epstein S.V. An Economic and Social History of Later Medieval Europe, 1000–1500. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 304 p.
5. Federici D. et al. The Educational Roots of Persistent Territorial Disparities: The Case of Italy / D. Federici, F. Ferrante, V. Parisi // GeoJournal. – 2022. — P. 1-20.
6. Garcia M. Medieval Higher Education: Islamic and Western Academics, 2013.
7. Madsen J. B., & Murtin F. British Economic Growth since 1270: The Role of Education // Journal of Economic Growth. – 2017. – 22(3). – P. 229–272.
8. Scott J. C. The Mission of the University: Medieval to Postmodern Transformations // The Journal of Higher Education. – 2006. – 77(1). – P. 1-39.
9. Spruyt H. War and State Formation: Amending the Bellicist Theory of State Making. // In L. B. Caspersen & J. Strandsbjerg. Does War make States?: Investigations of Charles Tilly's Historical Sociology. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – P. 73-97.
10. Taylor S.J., & Bogdan R. Defending Illusions: The Institution's Struggle for Survival // Human Organization, 1980. – P. 209-218.
11. Tilling M. V. The Dialectic of the University in Times of Revolution Echoes of the Industrial Revolution? // Critical Perspectives on Accounting. – 2002. – 13(5-6). – P. 555-574.
12. Tilly C. Coercion, Capital, and European States, AD 990–1990. – Oxford: Basil Blackwell Publishing House, 1990.

Опубликовано: 31.01.2023 г.

© Академия педагогических идей «Новация», 2023 г.

© Шайдуллин Р.Р., 2023 г.